Впервые о режиссере Сергее Зайцеве я услышал в дни фестиваля славянского кино «Золотой витязь» несколько лет назад проходившего в Калуге. Тогда его документальная лента «Погибли за Францию», посвященная чинам Русского экспедиционного корпуса, сражавшегося в первую мировую войну на французской земле, произвела большое впечатление и на зрителей, и на конкурсное жюри. Результатом этого стало вручение автору фильма высшей награды фестиваля в соответствующей номинации. Я очень жалел, что в то время не смог посмотреть работу Сергея. Такая возможность появилась лишь в ноябре 2005 года, когда удалось организовать его приезд в Калугу, творческий вечер в областном краеведческом музее, конечно, с показом фильма.

Об этом и о многом другом мы долго потом говорили с Сергеем и в Калуге, и в Москве, в Доме Русского Зарубежья - месте его работы. С некоторым удивлением я узнал, что до своего прихода в кино Сергей серьезно учился музыке, что он еще и композитор, автор песен, закончил «Гнесинку»...

КИНО ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Интервью с кинорежиссёром Сергеем ЗАЙЦЕВЫМ

- Как вы пришли в кино?

- В 1992 году я услышал, что при ВГИКе организованы сценарные курсы, записался туда и через некоторое время получил диплом молодого сценариста. А через два года поступил на высшие режиссерские курсы, в мастерскую игрового кино, и вскоре снял свой первый фильм (по мотивам рассказа «Змея» Александра Грина), ставший моей дипломной работой. Но тут, в середине девяностых годов, настала эпоха киношного безвременья. Тогда молодые режиссеры готовы были снимать хоть телерепортажи. Я обратился к документальному жанру. С тех пор я прочно записан в документалисты, хотя изначально - «игровик» и надеюсь вернуться к игровому кино.

- В вашем творчестве лейтмотивом звучит тема русской эмиграции. Полагаю, это не случайно?

- Фильм, с которого я начал работу, был связан с исходом армии генерала Врангеля и, в частности, с моряками Черноморской эскадры, ушедшей в 1921 году из Константинополя к берегам Туниса, в Бизерту. Назывался он «Лики Отечества». А предыстория его такова. Пятнадцать лет назад, еще в качестве туриста, мне довелось побывать в Бизерте - месте последней стоянки кораблей русского императорского флота. Знакомясь с городом, я посетил разрушенный христианский погост, где вместе с англичанами, итальянцами, сербами, погибшими в годы первой мировой войны, похоронены и наши моряки-эмигранты. Впечатление от увиденного, от прикосновения к судьбам русских изгнанников было настолько сильным, что я понял: когда-нибудь вернусь и сделаю фильм. Через пять лет так и произошло.

- Что привлекает вас в Русском зарубежье, помимо культурного и исторического наследия, оставленного первыми волнами эмиграции?

- Люди, конкретные личности. Вот, например, Марина Антоновна Деникина-Грей, увы, недавно ушедшая от нас... Она участвовала в съемках фильма «Последнее каре», над которым я сейчас работаю. Эта лента будет посвящена русским офицерам, жившим во Франции в 1920-30-е годы. Вообще, старые эмигранты, с которыми мне доводилось встречаться, люди совершенно не похожие друг на друга, но, так или иначе, сильно тоскующие по родине. Сейчас, конечно, приехать в Россию, хотя бы на время, совсем не сложно. Но бывают особые случаи... Так, очень известный представитель второй волны эмиграции, замечательный историк, чьи книги издаются сейчас в нашей стране, Николай Николаевич Рутыч (Рутченко) был здесь в последний раз в 1943 году. Он попал в плен, и его увезли в Германию. И вряд ли он уже приедет, его жена не пускает - боится, что он разволнуется и сердце не выдержит.

- Ваши фильмы впрямую связаны с российской историей XX века, с наиболее трагическими ее моментами. Случались ли претензии со стороны зрителей по поводу оценки вами тех или иных исторических фактов?

- Когда фильм «Погибли за Францию» посмотрела Наталья Родионовна Малиновская -дочь знаменитого маршала, начавшего свой боевой путь в годы первый мировой в составе Русского экспедиционного корпуса, она сказала: «Спасибо вам большое за то, что вы никого не судите: ни белых, ни красных, ни Корнилова, ни Временное правительство, ни тех, кто вернулся в Россию после прихода к власти большевиков, ни тех, кто остался сражаться на западном фронте в Русском Легионе Чести...» И я действительно старался никого не судить, поэтому, вероятно, никаких серьезных выпадов в мою сторону за три последних года, что я фильм показываю, не было.

- А «несерьезные» выпады были?

- По поводу ленты «Погибли за Францию» мне пару раз пришлось выслушивать замечания из уст историков, настроенных, скажем так, в коммунистическом духе. Они упрекали меня за прозвучавшую в фильме фразу «позор Брест-Литовского предательства», говорили, что заключение мира с немцами в 1918 году было необходимостью. Но дело даже не в том, что мнения наши не совпадают. Для офицеров, бывших в тот момент на западном фронте, для русских офицеров вообще заключение сепаратного мира в Бресте явилось позором, национальным унижением! И я говорю, что это для них так было. Мы можем с вами как угодно это оценивать, но для офицеров Русского экспедиционного

корпуса сей факт однозначно стал ударом в спину, именно поэтому они и остались на западном фронте, чтобы, как сказано в фильме, «омыть своей кровью позор брест-литовского предательства». И они омыли его своей кровью.

- Свидетельством этому стало название - Русский Легион Чести...

- Именно так наших героев назвала французская пресса! Марокканская ударная дивизия, в которую входили русские части, всегда была на передовой, французы ее не жалели, а Русский Легион был на «передовой передовой». И унтерофицер Малиновский, будущий советский маршал, во время прорыва «линии Гинденбурга», считавшейся неприступным укреплением, первым со своим пулеметом ворвался на немецкие позиции. За это он получил второй Георгиевский крест, о котором так никогда и не узнал.

Дело в том, что, когда в 1919 году генерал Щербачев, представитель верховного правителя России адмирала А.В. Колчака во Франции, наградил Родиона Малиновского вторым Георгиевским крестом, тот уже, вернувшись в Россию, вступил... в ряды Красной Армии. Шла вторая половина 1919 года, разгул чекистского террора, и хорошо, что тогда про второго «Георгия» Малиновского не стало никому известно. Наталья Родионовна, дочь маршала, тоже об этом ничего не знала. Она говорила, что отец всегда берег и очень ценил свой первый Георгиевский крест, но и подумать не мог, что является дважды Георгиевским кавалером.

- Фильм о Русском экспедиционном корпусе принес вам высшую награду фестиваля славянского кино «Золотой витязь». Как все происходило?

- Я, разумеется, рассчитывал получить какую-то оценку своей работы, но совершенно не ожидал высшей награды, на закрытие киноформума приехал с опозданием и вошел в зал, когда церемония уже началась. Расположился в проходе между креслами. Дело дошло до моей номинации. И вот вручаются сначала дипломы, затем - бронзовый «витязь», затем говорят, что оргкомитет фестиваля принял решение вручить в этом году двух серебряных «витязей». У меня еще теплилась надежда, что, может быть, один из них - за мой фильм. Вручается первый серебряный «витязь», второй... Не мне... Я думаю: сейчас выйду из зала. У меня в тот миг какое-то горькое чувство появилось: ну вот, работаешь работаешь и - никакого признания! Того, что мне могут присудить первое место, тогда и в мыслях не было. Между тем звучит: «Итак, золотой «витязь», но не называется режиссер и фильм, а вместо этого гаснет свет, и на экране возникают кадры... из моей картины! Я увез золотого «витязя» из Калуги, а на следующий же день улетел на премьеру своего фильма в Париж.

- Вы являетесь не только организатором, но и президентом киноклуба «Русский путь», да и в целом ваша работа во многом связана с Домом Русского зарубежья...

- Правильнее он именуется библиотека-фонд «Русское зарубежье», но все теперь привычно говорят «Дом»... Это большой научный и культурный центр по изучению наследия русской эмиграции, а сейчас уже в целом русской культуры. Два года назад я был приглашен туда на должность заведующего видеоархивом, который сейчас создается, то есть собираются фильмы по истории России, по истории русской эмиграции. Затем по моему предложению была организована киностудия при Доме Русского зарубежья, она сейчас еще находится в стадии становления. Киностудию мы назвали «Русский путь», так же, как называется издательство А.И.Солженицына.

И вот недавно мы открыли киноклуб с таким же названием, где будут показываться фильмы, по тем или иным причинам не имевшие широкой зрительской аудитории, не получившие телевизионной трибуны. К сожалению, должен сказать, что у нас в стране хорошее кино, русское национальное кино, как правило, телевизионной трибуны сейчас не имеет. Поэтому здесь мы будем устраивать премьеры талантливых работ молодых режиссеров и старших коллег, проводить творческие вечера, читать лекции по истории русского зарубежного кино, демонстрировать архивные ленты.

- Кино всегда было связано с политикой, порой превращалось в орудие пропаганды... Готовы ли вы к тому, что и вам, возможно, придется снимать фильмы, чтобы поддерживать ими определенную идеологию? Или не снимать их и тогда уйти из кино...

- Какова будет эта идеология - вот в чем вопрос. Если она - не агрессивно, конечно, не до безумия грубо - будет направлена на утверждение русской национальной идеи, то я стану работать в ее русле, потому что считаю: наше национальное самосознание повышать просто необходимо. Ну, посмотрим правде в глаза: ведь о русских ноги сейчас вытирают, а русские спасибо за это говорят...Беда в том, что мы сами себе цену не знаем и по лености души не хотим ее знать.

- Я видел, с каким интересом люди смотрели фильм «Погибли за Францию», когда он показывался в Калуге, у кого-то на глазах были слезы...

- А ведь историю Русского экспедиционного корпуса можно было бы рассказать сухо, вместить в фильм гораздо больше информации, желательно скандальной, то есть сделать так, как делают сейчас все телеканалы. Но я так делать не хочу, не буду, потому что такое кино в памяти у людей не останется. А я смею надеяться, что фильм «Погибли за Францию» все-таки останется и еще долго-долго, даст Бог здоровья, я его буду показывать и люди будут его смотреть.

- На вашей творческой встрече в Калуге присутствовала группа студентов, будущих телевизионщиков, и я случайно услышал, как преподаватель сказала одному из них: «Ты собирался задавать вопросы, а почему же молчал все время?» Он ответил: «Вы понимаете, я ведь впервые в жизни живого кинодокументалиста увидел!» В связи с этим что бы вы посоветовали молодым, очень молодым людям, которые в наше сложное время хотят заниматься кино, как им лучше идти к своей цели?

- Ну, легких времен никогда не было, и, я думаю, идти за своей мечтой всегда одинаково трудно. Но - надо идти за своей мечтой! Да, это банальная, романтическая фраза. А как же иначе скажешь? Я вот сейчас пытаюсь осмыслить собственный путь, и получается, что я всегда шел за своей мечтой и сейчас продолжаю идти за ней в ущерб здоровью, иногда в ущерб семейным делам, обязанностям. Но тут важно понять: если в этом твое предназначение, если ты решил, что да, это твоя дорога, и ступил на нее, то сворачивать уже нельзя. Свернул раз - прощено это не будет. Не дай Бог изменить себе хотя бы единожды.

- Мистика...

- Да нет, не мистика. Скорее мировой закон сохранения энергии. Возьмем, к примеру, людские страсти. Муж изменил жене, она говорит: «Все, теперь ты для меня не существуешь!» Ну, вот и с профессией так же.

Мы едем по ночной Москве, за окнами машины, как кинокадры, мелькают яркие вспышки реклам, залитые светом витрины... Возможно, великий Шекспир был не вполне точен, сказав, что вся наша жизнь - театр. А если жизнь - это кино? Кино длиною в жизнь...

Дмитрий КУЗНЕЦОВ.

Наше Всё

№ 1 (86)

3 февраля 2006 г.